

АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ АН СССР
СЕВЕРНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ЯЛИ КОМИ ФИЛИАЛА АН СССР
МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР.
ВОЛОГОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ.

ИСТОРИОГРАФИЯ
И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ИСТОРИИ
СЕВЕРНОГО КРЕСТЬЯНСТВА СССР

СЕВЕРНЫЙ АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ СБОРНИК

937 442
ВОЛОГДА
1980

А. В. Островский

О СТАТИСТИКЕ ПАХОТНЫХ УГОДИЙ В ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ (1899—1917)

Площадь пашни является важным показателем развития земледельческого производства, особенно экстенсивного, каким вплоть до начала XX века оставалось земледельческое производство капиталистической России. Между тем статистика пахотных угодий бывшей Российской империи изучена довольно фрагментарно и за небольшими исключениями поверхностно. В результате исследователям до самого последнего времени оставался, например, неизвестен тот факт, что после ряда специальных периодических земельных обследований (1877—1878, 1881, 1886—1887 и 1893 гг.)¹, в ходе которых собирались и сведения о площади пашни, Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел было организовано ежегодное собрание не только данных о площади посевов, но и данные о площади пашни². Насколько известно, первым на это обратил внимание И. Д. Ковальченко в своей статье «Соотношение крестьянского и помещичьего хозяйств в земледельческом производстве капиталистической России»³. А затем обнаруженные

¹ Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России, вып. I—VII, СПб., 1880—1885; Распределение земель по угодьям в Европейской России за 1881 год.—«Статистический временник Российской империи», серия III, вып. IV, СПб., 1884; Главнейшие данные поземельной статистики по обследованию 1887 года, вып. 1, 3—11, 13—20, 22—29, 31—50.—«Статистика Российской империи», вып. 22—23, СПб., 1895—1901. Население сельских обществ и количество у них пахотной надельной земли по обследованию 1893 г. о сельских обществах 46 губерний Европейской России.—«Временник Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел», № 43, СПб., 1894.

² Яцунский В. К. Изменения в размещении земледелия в Европейской России с конца XVIII века до первой мировой войны. В кн.: Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения. Сб. ст., М., 1961, с. 116.

³ Ковальченко И. Д. Соотношение крестьянского и помещичьего хозяйств в земледельческом производстве капиталистической России. В кн.: Проблемы социально-экономической истории России. Сб. ст., М., 1971, с. 177.

архивные материалы подобного учета площади пахотных угодий были опубликованы в седьмом выпуске «Северного археографического сборника»⁴. Правда, по некоторым, не зависящим от автора обстоятельствам,—главным образом имеется в виду жестко лимитированный объем публикации,—ее не удалось снабдить необходимыми источниковедческими комментариями. Восполнить отмеченный недостаток и является задачей данной статьи.

Один из первых вопросов, который возникает при обращении к любому источнику,—это вопрос о его происхождении. Знакомство с сохранившимися архивными материалами Центрального статистического комитета (ЦГИА, ф. 1290) показывает, что возникновение текущей статистики пахотных угодий было связано с общим пересмотром вопроса об организации текущей сельскохозяйственной статистики Министерства внутренних дел в конце 90-х гг. прошлого века. Основные направления этого пересмотра были намечены в специальной записке «Предположения Центрального статистического комитета об изменении способа собирания сведений о посевных площадях», представленной 8 апреля 1899 года директором Центрального статистического комитета Н. А. Тройницким министру внутренних дел, пост которого в это время занимал И. Л. Горемыкин⁵. Судя по всему, основные положения этой записки получили утверждение, и циркуляром министра внутренних дел от 7 мая 1899 года губернаторам было предписано одновременно со сведениями о посевных площадях представлять данные о площади пахотных угодий. «Для сопоставления сведений о посевных площадях с другими, имеющимися уже в распоряжении Министерства внутренних дел данными,—говорилось в циркуляре,—представляется целесообразным *дополнить* ведомость о посевах вопросами о количестве всей пахотной земли, равно как о количестве земли, находившейся под паром»⁶.

Обследование делопроизводственной документации Центрального статистического комитета позволяет утверждать, что начиная с 1899 г. указанные в циркуляре сведения собирались

⁴ Островский А. В. Новые материалы о площади пахотных угодий в Европейской России начала XX века. В кн.: Историография и источниковедение истории северного крестьянства СССР. Северный археографический сборник. Вып. VII, Вологда, 1979, с. 97—111.

⁵ Предположения Центрального статистического комитета об изменении способа собирания сведений о посевных площадях. 8 апреля 1899 г. ЦГИА, ф. 1290, сп. 2, д. 502, лл. 1—7.

⁶ Циркуляр министра внутренних дел губернаторам, № 470, 7 мая 1899 г., там же, л. 8.

ежегодно до 1917 года включительно⁷. С этой целью на места отдельно для крестьянских земель в волостные правления и отдельно для частновладельческих земель чинам уездной полиции рассылались специальные ведомости, подлежащие заполнению и возвращению прямо в Центральный статистический комитет, минуя губернские статистические учреждения⁸. Первоначально, до 1899 года, ведомости о посевах посылались два раза в год: одна ведомость для озимых, вторая для яровых посевов. С 1899 года были введены единые ведомости, рассылаемые один раз в год в конце весны — начале лета. «Вместо прежних двух бланков,— говорилось в цитированном выше циркуляре министра внутренних дел,— (одного для озимых и другого для яровых) ныне устанавливается один общий бланк»⁹. Такой порядок просуществовал около четырнадцати лет, а в 1913 году Центральный статистический комитет счел необходимым вернуться к тому порядку, который практиковался до 1899 года, т. е. к двухразовому сбору статистических сведений о посевах¹⁰. В связи с этим произошло разделение и в собирании сведений о площади пахотных угодий. Данные о площади пашни стали собираться одновременно со сведениями о посеве озимых, а данные о площади пара были включены в ведомости о посевах яровых¹¹.

Способ собирания необходимых сведений и заполнения посылаемых на места ведомостей определялся специальным «Наставлением», которое рассылалось отдельным изданием и одновременно в несколько ином виде публиковалось на обратной стороне ведомостей. Первые определяли порядок собирания необходимых статистических сведений, вторые служили руководством при заполнении ведомостей. В связи с тем, что необходимые сведения собирались отдельно по крестьянским и отдельно по частновладельческим землям, поэтому и «Наставления» были разработаны отдельно для волостных правлений и отдельно для чинов уездной полиции. В «Юбилейном сборнике Центрального статистического комитета» появление первых «Наставлений»

⁷ Назовем некоторые из этих материалов: там же, д. 532 (1900 г.), д. 551 (1901 г.), оп. 6, д. 109 (1902 г.), д. 108 (1903 г.), д. 114 (1904 г.), д. 115 (1905 г.), д. 119 (1906 г.), д. 120 (1907 г.), д. 124 (1908 г.), д. 126 (1909 г.), д. 127 (1910 г.), д. 130 (1911 г.), д. 131 (1912 г.), д. 132 (1913 г.), д. 137 (1914 г.), д. 138 (1915 г.), д. 181 (1916 г.), оп. 2, д. 948 (1917 г.).

⁸ Там же.

⁹ Циркуляр министра внутренних дел губернаторам, № 470, 7 мая 1899 г., там же, д. 502, л. 8.

¹⁰ Юбилейный сборник Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, СПб., 1913, отд. 111, с. 21.

¹¹ См. ведомости за 1913 г. (ЦГИА, ф. 1290, оп. 2, д. 830).

относится к 1904 году. «Для облегчения низшим органам при сборании возможно более точных сведений,—отмечается в сборнике,—Центральный статистический комитет в 1904 году нашел полезным составить особое наставление, ежегодно рассылаемое при опросных листах»¹². Трудно сказать, на чем основано данное утверждение, но оно не соответствует сохранившимся архивным материалам этого учреждения. В нашем распоряжении имеются «Наставления», относящиеся и к более раннему времени. Специальным «Наставлением» сопровождалась ведомости уже в 90-е гг. XIX века¹³. Сопоставляя их между собой, начиная с 1899 года, можно констатировать, что способ сбора текущих сельскохозяйственных сведений, в том числе и данных о площади пахотных угодий, претерпел со временем некоторые изменения.

Если обратиться к «Наставлению» 1899 г. для волостных правлений, то в глаза прежде всего бросается отсутствие четкости в определении порядка сбора этих данных. «По получении сего,—отмечалось в «Наставлении»,—волостные старшины или заменяющие их лица должны объехать все сельские общества и совместно с сельскими старостами или заменяющими их лицами собрать сведения согласно вопросам, поставленным на прилагаемом бланке»¹⁴. Этим скорее очерчивался круг лиц, на которых возлагалась ответственность за сбор необходимых сведений, чем определялся порядок сбора самих сведений. Вопрос об этом порядке по существу оставался открытым и целиком зависел от сельской и волостной администрации. Что же касается частновладельческих земель, то в данном случае пока удалось выявить только одно «Наставление», относящееся к 1898 г. Поскольку в 1899 году никаких изменений в порядок сбора текущих сельскохозяйственных статистических данных внесено не было, поэтому «Наставление» 1898 г. вполне можно рассматривать для характеристики данного вопроса и в 1899 году. Как и в отношении волостных правлений, «Наставление» для частновладельческих земель очерчивало только круг лиц, на которых возлагалась обязанность сбора необходимых статистических сведений (чины уездной полиции),

¹² Юбилейный сборник Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, отд. 111, с. 20.

¹³ Отметим, например, «Наставление» 1898 г. (ЦГИА, ф. 1290, оп. 2, д. 484, л. 5).

¹⁴ Наставление о порядке доставления сведений о количестве десятины крестьянской общественной земли, надельной, прикупленной и арендованной целым обществом, находившейся под посевами и сенокосами, и о количестве рогатого скота, крупного и мелкого в 1899 г. (из коллекции ГПБ).

сам же способ собирания по существу не регламентировался¹⁵. Поэтому для выяснения того, как именно осуществлялось это собирание, необходимо привлечение материалов местных органов, контролировавших деятельность уездной полиции и крестьянского самоуправления. Некоторые из этих материалов отложились в фонде Центрального статистического комитета и ждут своего исследователя.

Явное несовершенство рассмотренных выше «Наставлений» заставило Центральный статистический комитет подвергнуть их довольно радикальной переработке. Новое «Наставление», разосланное в 1904 году в волостные правления уже жестко регламентировало порядок собирания необходимых статистических сведений. Прежде всего оно возлагало основную ответственность за это на сельских старост. «По получении сих листов, — говорилось в «Наставлении», — волостные старшины (станичные атаманы, гминные войты, головы инородческих управ и т. д.) или их заменяющие лица немедленно созывают всех сельских старост или соответствующих им лиц и *поручают им собрать* по окончании яровых посевов по каждому сельскому обществу указанные в ведомости сведенья»¹⁶. Что же касается способов собирания этих сведений, то их предусматривалось два. «Сельские старосты или заменяющие их лица, — говорилось в новом «Наставлении», — собирают все означенные в листках сведения как о надельных землях, так и о прикупленных целым сельским обществом или на *сельском сходе ближайшем по времени окончания яровых посевов, или же путем подворного обхода каждого домохозяина*»¹⁷. При этом подчеркивалось: «Каким бы из двух указанных путей ни были собраны сведенья, было бы желательно, чтобы они были прочитаны, в случае надобности исправлены на сельском сходе. Вслед за этим на листках выставляется название сельского общества, ведомость подписывается старостой или заменяющим его лицом, и немедленно препровождается в волостное правление»¹⁸.

¹⁵ Наставление о порядке доставления сведений о количестве засеянных хлебом полей на землях владельческих, как-то: частных владельцев всех сословий, кампаний, казны, удела, городов, церкви, монастырей и других учреждений (кроме крестьянских надельных) в 1898 г. (ЦГИА, ф. 1290, оп. 2, д. 484, л. 10).

¹⁶ Наставление о приемах при сборе сведений о количестве десятины крестьянской общественной земли (надельной и прикупленной целым обществом), находящейся под посевами хлебов и других полевых растений, под сенокосами, а также о количестве домашних животных в 1904 г. Там же, д. 624, л. 4.

¹⁷ Там же, л. 5.

¹⁸ Там же.

На волостного старшину возлагалась задача составления сводной ведомости и контроля за точностью и полнотой полученных сведений. «Удостоверившись» в правильности и точности собранных данных, а «в случае пробелов приняв надлежащие меры для их пополнения, старшина,—подчеркивалось в «Наставлении»,—должен выписать доставленные сельскими обществами сведения в присланные Центральным статистическим комитетом листки» и переслать их в Петербург. «Что же касается листков, составленных сельскими старостами по каждому сельскому обществу, то таковые должны храниться в волостном правлении и в случае требования Центрального статистического комитета должны быть немедленно ему высланы»¹⁹. Подобный порядок собирания сведений о крестьянских землях был намного рациональнее того, который предусматривался прежним «Наставлением» и который во многом зависел от усмотрения волостной и сельской администрации. В дальнейшем он не претерпел каких-либо серьезных изменений и просуществовал вплоть до 1917 г.²⁰.

Следующий вопрос, который возникает при обращении к материалам статистики пахотных угодий,—это вопрос о характере собиравшихся сведений. Первоначально «Наставления» оставляли совершенно открытым, что же следовало понимать представителям местной администрации под пашней. И только в отношении «пара» делалось некоторое уточнение: «не следует включать залежь, целину и пр.»²¹ Нельзя сказать, чтобы подобное уточнение было действительно точным, но оно все-таки могло нацеливать лиц, заполнявших ведомости, на включение в них сведений только о тех отдыхающих землях, которые находились в более или менее регулярном пользовании. Поэтому данное уточнение продолжало действовать на протяжении всего периода, от которого дошли до нас материалы по статистике пахотных угодий²². Что же касается сведений о площади пашни, то в данном вопросе долгое время очень многое зависело от тех критериев, которыми пользовались сами представители местной администрации. И только в 1905 г. в «Наставлениях» появилась формулировка понятия «пашня». «В третьей графе,—говорилось в «Наставлении» по поводу ответа на вопрос ведомости: «Сколь-

¹⁹ Там же.

²⁰ К сожалению, пока не удалось выяснить, была ли одновременно с этим подвергнута усовершенствованию и система собирания необходимых статистических сведений о частновладельческих землях.

²¹ Ведомость о количестве десятин земли, находившейся под посевами и сенокосами, и о количестве скота у частных владельцев всех наименований в 1900 г., там же д. 532, л. 2—3.

²² См., например, ведомости за 1917 год, там же, д. 948.

ко десятин пахотной земли», — должно быть показано количество земли, находящейся под посевами и сенокосами в нынешнем году»²³. Если учесть, что под «сенокосами» имелись в виду покосы сеяных трав, а под посевами — и та часть пашни, которая к лету уже была засеяна, и та, которая должна была быть засеяна осенью, то таким образом Центральный статистический комитет создавал возможность для собирания действительно однородных и более или менее точных сведений о площади пахотных угодий, находившихся в регулярном хозяйственном обороте.

Трудно сказать, насколько удалось ему добиться этого. Есть основание полагать, что, несмотря на ежегодное повторение, указание на то, какие именно земли считать пахотными, реализовалось в разных губерниях с различной точностью: Суммируя данные о площади посева и площади пара по 34 губерниям, по которым мы располагаем сведениями, и сопоставляя полученный результат с общей площадью пашни, показанной в этих губерниях, мы обнаруживаем расхождение почти в 8 млн. дес., или же около 11%. Причем наиболее значительным расхождением оказывается по тем губерниям, в которых еще в начале XX века господствовала переложная система. Так, по Екатеринославской, Оренбургской губерниям и Области войска Донского показанная в ведомостях площадь пашни превышала площадь посева и пара более чем на 4 млн. дес.²⁴ В результате этого степень расхождения по остальным губерниям была менее 7%. Детализированное представление об этом дает таблица 1. Опираясь на проведенное в ней сопоставление, представляется целесообразным высказать следующую рекомендацию в отношении пользования данными Центрального статистического комитета о площади пара и пашни. Поскольку площадь пара определялась с большей точностью, чем площадь пашни, а еще более точно учитывалась площадь посева, поэтому по целому ряду губерний для определения площади пашни более осторожным и, вероятно, более правильным будет брать не соответствующие цифры ведомостей Центрального статистического комитета, а суммарные данные о площади посева и площади пара. Во всяком случае подобные данные могут быть наиболее удобными с точки зрения их сопоставимости.

²³ Ведомость о количестве десятин крестьянской общественной и арендованной земли, находящейся под посевами хлебов и прочих полевых растений и под сенокосами, а также о количестве домашних животных в 1905 г., там же, д. 653, л. 5—6.

²⁴ Вопрос о столь значительном расхождении по этим губерниям заслуживает специального рассмотрения. Не исключено, что в данном случае мы имеем дело не просто с какими-то погрешностями в сборе статистических сведений, а с особенностями ведения переложного земледелия.

Таблица 1

Губернии	Пло- щадь посева	Пло- щадь пара	Пло- щадь посева и пара	Пло- щадь пашни	Расхождение	
					абс.	оти. %
1. Архангельская	60,1	23,1	83,2	83,4	0,2	0,2
2. Виленская	955,9	435,0	1390,9	1482,0	91,1	6,5
3. Витебская	854,2	406,4	1260,6	1290,9	30,3	2,3
4. Вологодская	613,7	300,5	914,2	912,1	2,1	0,2
5. Воронежская	2262,3	960,8	3223,1	3500,5	277,4	8,6
6. Вятская	3136,3	1599,5	4735,8	4882,3	146,5	3,1
7. Гродненская	773,8	374,9	1148,7	1212,8	64,1	5,6
8. Донская	5404,0	531,0	5935,0	6768,1	833,1	14,0
9. Екатеринославская	3289,6	158,3	3447,9	3710,7	262,8	7,6
10. Казанская	1886,8	946,8	2833,6	2824,3	9,3	0,3
11. Ковенская	962,4	436,6	1399,0	1533,0	134,0	9,6
12. Костромская	824,3	413,4	1237,7	1304,5	66,8	5,4
13. Курская	1839,0	823,6	2662,6	2763,9	101,3	3,8
14. Минская	1335,7	551,1	1886,8	2054,3	167,5	8,8
15. Могилевская	1021,7	507,6	1528,3	1588,6	60,3	4,0
16. Нижегородская	1065,3	535,7	1601,0	1647,3	46,3	2,9
17. Новгородская	598,5	287,5	886,0	956,5	70,5	8,0
18. Олонецкая	133,3	65,2	198,5	318,7	120,2	60,6
19. Оренбургская	2217,7	897,3	3115,0	6114,4	2999,4	96,3
20. Орловская	1582,7	736,5	2320,2	2364,5	44,3	1,9
21. Пензенская	1473,5	729,8	2203,3	2206,4	3,1	0,2
22. Полтавская	2084,9	452,7	2537,6	2670,5	132,9	5,2
23. Пермская	2230,5	1074,0	3304,5	3932,2	627,7	19,0
24. Псковская	658,6	324,5	983,1	1020,3	37,2	3,8
25. Самарская	4402,6	1647,1	6049,7	6828,0	778,3	12,9
26. С.-Петербургская	266,7	113,6	380,3	419,1	38,8	10,2
27. Саратовская	2760,7	1197,5	3958,2	4147,3	189,1	4,8
28. Симбирская	1431,4	688,0	2119,4	2097,6	21,8	1,0
29. Таврическая	2441,4	375,0	2816,4	2957,5	141,1	5,0
30. Тамбовская	2245,8	1116,6	3362,4	3446,4	84,0	2,5
31. Уфимская	2150,7	968,1	3118,8	3573,0	454,2	14,6
32. Харьковская	2048,5	604,0	2652,5	2815,9	163,4	6,2
33. Черниговская	1368,0	631,5	1999,5	2091,6	92,1	4,6
34. Ярославская	454,6	229,1	683,7	737,5	53,8	7,9

²⁵ Островский А. В. Новые материалы о площади пахотных угодий в Европейской России начала XX века. В кн.: Историография и источниковедение истории северного крестьянства СССР, Северный археографический сборник, вып. VII, Вологда, 1979, с. 97—111. Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств, год VIII, П, 1915. По Витебской, Минской и Могилевской губерниям сведения даны за 1904 г., по Пензенской губернии — за 1913 г., по всем остальным губерниям — за 1909 г.

Учитывая, что сведения о пахотных угодьях собирались отдельно для крестьянских и частновладельческих земель, необходимо коснуться еще одного вопроса, вопроса о критериях деления всего земельного фонда на две эти части. В дореволюционной литературе было широко распространено отождествление крестьянских земель только с наделными и отнесение к частновладельческим, если при этом не выделялись другие категории владений всех остальных земель. Первоначально именно такая методика применялась и Центральным статистическим комитетом при собирании тех или иных сведений о земельных угодьях²⁶. Однако, как удалось установить И. Д. Ковальченко, со временем Центральный статистический комитет отказался от такого подхода и при сборе данных о размере посевных площадей стал учитывать не только характер землевладения, но и характер землепользования. «Вместо разделения посевных площадей на крестьянские наделные и частновладельческие,— пишет он,— теперь стали учитывать площадь под посевами различных культур на землях: наделных, купленных крестьянскими общинами, арендованных крестьянами и частновладельческих»²⁷. Правда, это нововведение не отразилось на изданиях Центрального статистического комитета, который по-прежнему продолжал публиковать сведения о посевах с подразделением их на крестьянские (наделные) и прочие (частновладельческие)²⁸.

Казалось бы, поскольку сделанное И. Д. Ковальченко наблюдение касается площади посевов и поскольку отмеченное им нововведение не нашло отражение в публикуемых материалах, оно не имеет отношения к данной статье, посвященной статистике пахотных угодий. Но подобное заключение было бы по меньшей мере преждевременным. Не следует забывать, что сведения о площади пахотных угодий собирались одновременно со сведениями о посевах посредством рассылки на места единых вопросных бланков — ведомостей²⁹. По этой причине дифференциации посевных площадей не только по видам землевладения, но и по характеру землепользования соответствовала подобная же дифференциация пахотных угодий (как площади пашни, так

²⁶ По такой методике, например, им было начато в 1892 г. ежегодное собрание данных о площади посева (ЦГИА, ф. 1290, оп. 2, д. 368, л. 12, 38, 64, 88, 89 и др.).

²⁷ Ковальченко И. Д. Указ. соч., с. 177.

²⁸ Там же, с. 178.

²⁹ См. выше, с. 3—4.

и площади пара)³⁰. Кроме того, необходимо иметь в виду, что отложившиеся в архиве Центрального статистического комитета материалы текущей статистики пахотных угодий частично уже выявлены³¹. Есть основания надеяться, что дальнейшие поиски в этом направлении обещают новые находки. Открывающаяся в связи с этим возможность практического использования данных материалов порождает необходимость специального рассмотрения отмеченного выше нововведения; в первую очередь имеется в виду вопрос о времени появления новой методики, а затем уже вопрос о ее совершенстве.

На основании «Юбилейного сборника Центрального статистического комитета» можно было бы отнести это нововведение к 1904 г.³² Однако такая датировка не соответствовала бы сохранившейся делопроизводственной документации данного учреждения. Не ставя перед собой задачи выяснения, когда именно Центральный статистический комитет стал дифференцировать сведения о собственно владельческих, прикупленных крестьянскими общинами, сдаваемых в аренду и наделных землях, отметим только, что подобная дифференциация в отношении посевов существовала до 1899 г.³³ и в «Наставлении» этого года нашла свое отражение уже в самом его названии: «Наставление о порядке доставления сведений о количестве десятин крестьянской, общественной земли, *надельной, прикупленной и арендуе-*

³⁰ При собирании этих сведений подобная дифференциация делалась в тех ведомостях, которые рассылались в волостные правления. В адресованных им «Наставлениях» специально подчеркивалось: «Сведения выписываются по каждому сельскому обществу в виде трех строк: 1) для земель наделных, 2) прикупаемых целым сельским обществом и 3) арендованных...» (ЦГИА, ф. 1290, оп. 2, д. 653, л. 3—4). Чинам же уездной полиции оставалось собирать сведения обо всех остальных землях. Из ведомости для частновладельческих хозяйств: «На землях означенных владельцев сведения должны быть даны как по собственным хозяйствам владельцев, там и по хозяйствам лиц, снявших у них землю в аренду; если же в числе арендаторов имеются крестьяне близлежащих сельских обществ (отдельные лица, товарищества и целые общества) о посевах которых сведения даются по волостям, то о посевах на арендованных ими участках сведения владельцам не даются» (там же, д. 696, л. 6). Впоследствии при составлении погубернских ведомостей к крестьянским землям относились только наделные земли, а частновладельческие дифференцировались на три группы: собственно владельческие, прикупленные общинами и арендованные крестьянами. Остается правда, пока невыясненным, когда именно сложился такой порядок.

³¹ Островский А. В. Указ. соч., с. 97—111.

³² Юбилейный сборник Центрального статистического комитета, отд. III, с. 18—21; Ковальченко И. Д. Указ. соч., с. 177.

³³ Так, в циркуляре Министерства внутренних дел за № 365 от 15 мая 1898 г. губернаторам отмечалось: «Сведения о размере посевных площадей на крестьянских наделных, прикупленных крестьянскими обществами и арендованных таковыми землях, надлежит собрать через волостные правления» (ЦГИА, ф. 1290, оп. 2, д. 485, л. 1).

мой целым обществом». Знакомство с делопроизводственной документацией Центрального статистического комитета за 1899—1917 гг. показывает, что такая дифференциация существовала на протяжении всего рассматриваемого периода за исключением только одного года — 1904, когда волостным старшинам было предписано представить сведения лишь о надельных и прикупленных целыми крестьянскими обществами землях³⁴. Что же касается частновладельческих земель, то «в число этих владельческих земель,—подчеркивалось в циркуляре директора Центрального статистического комитета за 1904 год,—должны быть включены как обрабатываемые самими владельцами, так и находящиеся в аренде у отдельных лиц, товариществ и целых сельских обществ»³⁵.

Насколько же практиковавшаяся Центральным статистическим комитетом дифференциация земельных угодий по характеру землевладения и по характеру землепользования позволяла учесть те земли, которые обрабатывались в крестьянском хозяйстве, и те, которые составляли собственную экономическую запашку частновладельческих хозяйств? Для ответа на этот вопрос прежде всего необходимо иметь точное представление о том, какие именно арендованные земли имелись в виду при собирании соответствующих статистических данных. Обращение к материалам Центрального статистического комитета показывает, что первоначально волостные правления собирали данные лишь о землях, «арендуемых целым обществом»³⁶. В результате этого земли, арендованные отдельными крестьянами и крестьянскими товариществами, включались в состав частновладельческих, и уже поэтому такая дифференциация не могла дать точного представления о распределении земель по их хозяйственному использованию.

В 1905 г. Центральный статистический комитет счел необходимым расширить категорию учитываемых им арендованных земель за счет включения в их состав земель, «арендованных как целым обществом, так и отдельными крестьянами»³⁷, а в

³⁴ Наставление о приемах при сборе сведений о количестве десятин крестьянской общественной земли (*надельной и прикупленной целым обществом*), находящейся под посевами хлебов и других полевых растений, под сенокосами, а также о количестве домашних животных в 1904 г. (там же, д. 624, л. 4).

³⁵ Циркуляр директора Центрального статистического комитета губернам, февраль 1904, там же, л. 1.

³⁶ См., например, «Наставление» 1899 (коллекция ГПБ).

³⁷ Наставление о приемах при сборе сведений о количестве десятин крестьянской общественной и арендованной земли, занятых посевами хлебов и других полевых растений, сенокосами, а также о количестве домашних животных в 1905, ЦГИА, ф. 1290, оп. 2, д. 653, л. 3—4.

1906 г. на учет были взяты и земли, арендованные крестьянскими товариществами³⁸. Поэтому только начиная с 1905—1906 гг. открылась возможность более или менее полного учета арендуемых площадей. Однако даже и после этого Центральный статистический комитет не имел точного представления о количестве земли, обрабатываемой в крестьянском хозяйстве, и количестве частновладельческой земли, составлявшей так называемую экономическую запашку. Для этого необходимо было выделение из остающихся частновладельческих земель тех земель, которые составляли собственность крестьян. Между тем при заполнении ведомостей требовалось дать показание только о тех купчих крестьянских землях, которые находились в собственности всей общины. Следовательно, даже после 1905 г. собираемые Центральным статистическим комитетом данные давали завышенное представление о частновладельческой экономической запашке и заниженное представление о тех землях, которые обрабатывались в крестьянском хозяйстве.

В заключение необходимо остановиться на вопросе о публикациях и использовании собиравшихся Центральным статистическим комитетом данных о площади пахотных угодий. Есть основание думать, что для современников эти данные оставались почти неизвестны. В этом отношении показательно, что, когда видным дореволюционным экономистом А. П. Мертваго была сделана попытка реконструировать структуру земельных угодий России начала XX века, то он считал необходимым обратиться для этого к весьма приблизительным и условным исчислениям³⁹. Показательно и то, что его расчеты продолжают использоваться для характеристики земельных угодий и в современной литературе по аграрной истории нашей страны⁴⁰. Между тем, насколько удалось установить, собиравшиеся Центральным статистическим комитетом данные о площади пахотных угодий не оставались скрытыми в архиве этого учреждения. Уже в 1902 г. они были опубликованы в подготовленном им издании «Урожай 1901 г.» В третьем выпуске этого издания не только

³⁸ Наставление о приемах при сборе сведений о количестве десятин крестьянской общественной и арендованной земли, занятых посевами хлебов и других полевых растений, сенокосами, а также о количестве домашних животных в 1906 г. Там же, д. 682, л. 2—3.

³⁹ Проколович С. Н., Мертваго А. П. Сколько в России земли и как мы ею пользуемся? М., 1907, с. 19—28.

⁴⁰ Назовем здесь некоторые, наиболее известные из них: Дубровский С. М., Сельское хозяйство и крестьянство России в период империализма, М., 1975, с. 210; Данилов В. П. Перераспределение земельного фонда России в результате Великой Октябрьской революции. В кн.: Ленинский декрет о земле в действии, сб. ст., М., 1979, с. 265—266.

были приведены по всем губерниям России общие данные о площади пашни на 1901 г., но и указано ее распределение по районам на крестьянскую (надельную) и частновладельческую⁴¹.

Спустя несколько лет Центральный статистический комитет воспользовался данными о площади пашни при подготовке им к печати материалов проведенного им в 1910 г. обследования сельскохозяйственной техники. Публикация этих материалов была снабжена таблицами, которые по каждой обследованной губернии содержали показатели о степени обеспеченности пахотных угодий различными сельскохозяйственными орудиями и машинами (отдельно для всей и отдельно для крестьянской пашни)⁴². И, наконец, последний известный факт использования в печати материалов текущей статистики пахотных угодий был связан с подготовкой Департаментом земледелия Главного управления землеустройства и земледелия специального атласа «Сельскохозяйственный промысел в России»⁴³. В этом атласе были помещены две картограммы, одна из которых («Распределение общего количества пахотных земель по отдельным районам в 1912 году») давала представление о региональном распределении пашни в абсолютных данных⁴⁴, а вторая («Распаханность удобных земель в 1912 г.») — об удельном весе пашни в общей массе удобных земель по каждой губернии (в процентах)⁴⁵. Не исключено, что данные текущей статистики пахотных

⁴¹ Урожай 1901 г., т. III. Посевные кормовые травы. Лен и конопля, СПб, 1902, с. II—VI.

⁴² Сельскохозяйственные машины и орудия в Европейской и Азиатской России в 1910 г., СПб, 1913.

⁴³ Сельскохозяйственный промысел в России, СПб, 1914.

⁴⁴ Там же, с. 32.

⁴⁵ Там же, с. 31. Данная картограмма привлекла к себе внимание только в 1961 г. Используя содержащиеся в ней процентные сведения о площади пашни и опираясь на исчисления И. Стрельбицкого о площади губерний, В. К. Яцунский сделал попытку обратного перерасчета относительных данных в абсолютные и таким образом впервые ввел в научный оборот конкретные сведения о площади пашни на 1912 г. по каждой губернии. (Яцунский В. К. Указ. соч., с. 116—127). Однако полученные им цифровые данные оказались завышенными, так как если в картограмме указывалось отношение пашни к площади только удобных земель, то В. К. Яцунский рассматривал данные этой картограммы как «данные о проценте пашни к общей площади губерний» (там же, с. 116). Между тем, по данным обследования 1881 г., общая площадь 50 губерний Европейской России превышала площадь удобных земель на 78 млн. дес., или же более чем на 20%. (Распределение земель по угодьям в Европейской России за 1881 г., с. 2—45).

угодий использовались и в других изданиях, но выяснение этого требует специальных разысканий⁴⁶.

Приложение 147

Таблица 1.

1904 г. Пашня.

Губернии	Крестьяне	Частновладельцы	Всего
1. Архангельская	73890	8744	82634
2. Виленская	972316	733847	1706163
3. Витебская	886396	403458	1289854
4. Вологодская	946843	68891	1015734
5. Гродненская	891594	506094	1397688
6. Ковенская	1011489	482107	1493598
7. Минская	1172463	881855	2054318
8. Могилевская	1027919	560653	1588572
9. Олонецкая	328439	5029	333468
10. Псковская	800324	307854	1108178
11. С.-Петербургская	336140	117772	453912

⁴⁶ Пользуясь возможностью, считаю необходимым отметить вкравшиеся в подготовленную мною публикацию данных текущей статистики пахотных угодий ошибки (Островский А. В. Указ, соч., с. 97—111). Наиболее значительная из них допущена в третьей и четвертой таблицах (1906 г.), где под номером десять вместо Харьковской губернии указана Таврическая (там же, с. 102); помещенные в девятой и десятой таблицах за 1909 г. данные по Ярославской губернии должны быть включены соответственно в седьмую и восьмую таблицы за 1908 г. (там же, с. 104—107); в таблице 15 необходимо поменять местами данные по Новгородской и Олонецкой губерниям; наконец, в восьмой таблице площадь пара на крестьянских землях Уфимской губернии следует исправить с 670755 дес. на 650755 и соответственно общую площадь пара по губернии с 942214 на 922214 (там же, с. 105). Не имея возможности опубликовать дифференцированные сведения о площади пахотных угодий и стремясь дать данные, сопоставимые с данными предшествующих земельных обследований, все земли в комментируемой мною публикации разделены на крестьянские (надельные) и прочие (частновладельческие). В приложении и статье приводятся сведения о пахотных угодьях за 1904—1905 гг., не вошедшие в рассматриваемую публикацию.

⁴⁷ ЦГИА, ф. 1290, оп. 6, д. д. 114, 119.

1904. Пар.

Губернии	Крестьяне	Частновладельцы	Всего
1. Архангельская	20197	2640	22837
2. Виленская	287014	225531	512545
3. Витебская	287320	119089	406409
4. Вологодская	288384	22461	310845
5. Гродненская	277657	150190	427847
6. Ковенская	315813	126958	442771
7. Минская	304454	246645	551099
8. Могилевская	333341	174245	507586
9. Олонецкая	66380	1521	67901
10. Псковская	265767	86387	352154
11. С.-Петербургская	101202	30085	131287

1905. Пашня и пар.

Угодья	№	Губернии	Крестьяне	Частновладельцы	Всего
ПАШНЯ	1.	Новгородская	863091	103275	966366
	2.	Таврическая	1564591	1573468	3138059
ПАР	1.	Новгородская	271965	25089	297054
	2.	Таврическая	88629	205705	294334